

Церковно-общественная газета
Ржевской Покровской старообрядческой общины

ПОКРОВСКИЙ ВЕСТНИК

С праздником Святой Пятидесятницы!

СЛОВО ПАСТЫРЯ

ЖЕНЫ - МИРОНОСИЦЫ

«Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого; Его нет здесь - Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых, и предвещает вас в Галилее; там Его увидите». (От Матфея 28:5)

«И, возвратившись от гроба, возвестили все это одиннадцати и всем прочим. То были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними, которые сказали о сем Апостолам». (От Луки 24:9)

Когда Христос, окруженный многими своими последователями, шествовал из города в город, из селения в селение по иудейской стране и нес свою проповедь, и творил чудеса, то среди слушающих Его были как мужчины, так и женщины. И хотя, согласно ветхозаветной (да и христианской) традиции, когда речь шла о каких-то важных вещах, имена присутствующих женщин обычно не упоминались, однако же, мы должны иметь в виду, что и женщины были почти везде, где проповедовал Христос; и каждая из них пришла к Господу своим особенным образом.

Сама Пресвятая Богородица часто сопровождала своего Божественного Сына и Учителя, была свидетелем Его чудес и внимала Его поучениям. О другой Мамрии, которая происходила из селения Магдал, известно, что ранее она страдала беснованием, но Христос изгнал из нее «седемь бесов», и когда она освободилась от недуга, то последовала Ему и, как могла, заботилась о Нем Самом и обо всех тех, кто был с Ним рядом. Один из учеников Его, Иаков, ходил за Христом вместе со своею матерью, по имени Мамрия. Лазарь и его две сестры — Марфа и Мамрия — принадлежали одному благочестивому семейству, и все они

считали Христа своим Другом, и Он считал их таковыми... Были еще «и другие с ними». И все эти женщины, сопровождая Христа, наравне с прочими учениками слушали Его и заботились о Нем.

Но приближался праздник иудейской пасхи, и ученики Христовы, слушая слова Спасителя о том, что Он должен быть предан на заклание, никак не могли понять, о чем говорит их Учитель. Они не верили, что какое-то зло может совершиться в отношении Того, Кого Сам Господь во гласе, раздавшемся с неба, назвал Своим Сыном. Но события Страстной Седмицы произошли неумолимо, они потрясли и повергли в глубокую скорбь всех учеников Его. Некоторые, поддавшись страху, «удалились во своя си», другие издали наблюдали, чем все закончится. Так и эти женщины, не имея возможности чем-либо

помочь своему Божественному Учителю и Другу, со страхом и скорбью наблюдали за всем, что происходило на их глазах. Они сопровождали Спасителя и в Его последний путь на Голгофу, они вместе с другими учениками молча стояли поодаль, и до последнего не верили, что задуманное иудеями злодеяние сможет осуществиться.

У подножия Креста стояли всего лишь несколько человек, самых близких к Иисусу, ибо немногие из учеников имели тогда смелость приблизиться к Нему. Именно апостолу Иоанну, одному из предстоящих здесь, Христос поручил попечение о своей Матери — Пресвятой Богородице, которая стояла тут же рядом и скорбела, взирая на страдания своего Единородного Сына. И вот все стихло...

По прошествии некоторого времени народ стал расходиться, ибо все уже свершилось. В безмолвии и в растерянности возвращались домой и те из учеников, которые присутствовали при сем; подавленные тяжким горем, возвращались и женщины, которые никак не могли понять, как же такое могло произойти. Уже опустились сумерки, когда Иосиф и Никодим сняли со Креста пречистое Тело и, завернув в плащаницу, положили Его в новой пещере, а ко входу привалили тяжелую каменную плиту, согласно иудейскому погребальному обычаю.

Но даже в состоянии тяжкой, невыносимой скорби, эти женщины, истинные ученицы Христовы, память которых чтит святая Церковь, не могли оставить своего Божественного Учителя и Друга без попечения. Им приходит на ум самое последнее дело, что еще следовало совершить: согласно иудейскому обычаю, умершего заворачивали в плащаницу и поливали его специальным благоуханным составом, именуемым «миро», которое специальным образом готовится из множества ароматных растений и иных веществ. И вот, не имея чем еще послужить своему Учителю, эти женщины находят деньги, покупают сосуд сего драгоценного состава, и решаются таким образом послужить последнюю службу своему Господу: пойти к месту, где, как они видели, было положено Его Пречистое тело, чтобы возлить на него это благоуханное миро — их последний дар...

Получилось так, что на эти хлопоты у них ушло немалое время, и путь женщин ко гробу Господню пришелся уже на позднюю ночь, даже на начало утра третьего дня. Но не остановил их ни страх ночной тьмы, ни то, что они, по сути шли на кладбище — они вовсе даже не думали об этом. Они шли, исполненные святым стремлением сослужить своему Учителю эту последнюю службу. Единственное беспокоило их, когда они приближались к той гробной пещере: «Кто отва-

лит нам камень от дверей гроба?»

И когда они приблизились к тому месту, то увидели, что камень отвален, а на камне — О! Чудо! — сидит блистающий ангел. И, остановившись в страхе и недоумении, они услышали обращенный к ним ангельский глас: «Что вы ищете Живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам» (От Луки 24:6). И вот, страшась и радуясь одновременно, женщины побежали вспять, еще не веря себе, еще не понимая, сколь великую радость возвестил им ангел! Но вот, увидав и Самого Воскресшего, как на крыльях, спешат они навстречу другим ученикам, чтобы возвестить им и всем людям радостную пасхальную весть: «Христос Воскресе!»

Вот почему сих учениц Христовых и стали именовать «мироносицами»! Именно потому, что они шли ко гробу Господню и несли святое миро, дабы помазать Его тело последним погребальным помазанием. И именно их, немощных и слабых женщин, а не иных учеников — будущих апостолов — Господь сделал первыми свидетелями чуда воскресения. Не ученикам своим Он открылся, не Петру, не Иоанну, а именно им, этим слабым женщинам, которые сами-то и вовсе не считали себя в числе учеников Христовых, и однако же Богу настолько угодно было их смиренное и скромное служение, что именно их первых Он сподобил стать свидетелями Своего Воскресения.

Но сегодня слово «мироносицы» имеет для нас еще и переносный смысл. И в этом смысле так может быть названа любая женщина, любой человек, который несет людям мир и любовь, заботу, помощь и милосердие. Несет своим усердием, словом, всей своей жизнью — так, как это и делали те евангельские жены. И многие из женщин — начиная с той далекой поры и по настоящее время — совершают свои жизненные труды подобно тем женам-мироносицам, которые первыми были названы этим именем. Сколько труда, милосердия, тепла и заботы отдавали и отдают женщины, исполненные христовой веры, надежды и любви!

Вот почему Святая Церковь во второе воскресенье после праздника Пасхи совершает воспоминание этих святых подвижниц, жен-мироносиц; воспоминает и прославляет их жертвенное служение Господу и людям, во славу Божию, в пример всем нам. Вот почему еще задолго до нынешнего «8 Марта» именно день святых Жен-Мироносиц являлся тем самым христианским Женским праздником, идеалы которого были так понятны, так близки каждой верующей женщине или девушке, каждому христианину, каждому доброму человеку.

А посему я поздравляю всех христианок с торжественным и светлым праздником, Днем свв. Жен-Мироносиц. В особенности я приветствую сегодня всех тех женщин, кто в своей жизни сознательно стремится следовать путем мироносиц, кто каждодневно несет добро и милосердие своим ближним, терпеливо преодолевая всякие скорби, болезни и искушения. Совершая торжественную память свв. Жен-Мироносиц, мы верим, что их жизненный путь угоден Богу, мы знаем, что многие из жен спасались, идя по жизни этим путем. Так дай, Господи, и нам не потерять глубочайший духовный смысл этого светлого праздника, всегда соединенного с пасхальной радостью.

Протоиерей Евгений Чунин

Темы манувших проповедей

18 февраля, Прощенное воскресенье — О прощении друг друга;

25 февраля, неделя 1-я Великого поста, воспоминание Вселенского Православия — О ересях и православии;

4 марта, нед. 2-я поста — О посещении храма;

11 марта, неделя 3-я Великого поста, Крестопоклонная — О Кресте и Крестном Знамени;

18 марта, нед. 4-я поста — О житии прп. Марии Египетской и службе «Мариино стояние»;

25 марта, неделя 5-я Великого поста — О смертных грехах и исправлении нашей жизни;

31 марта, Лазарева суббота — О воскрешении св. праведного Лазаря;

1 апреля, Вербное воскресенье — О постоянстве Божиим и человеческой переменчивости;

15 апреля, Неделя о Фоме — О сомнениях ап. Фомы и о нашей вере в Бога;

29 апреля, Неделя о расслабленном — О Женах-Мироносицах;

6 мая — Неделя о Самаряныне — О возделении денег.

20 мая — Неделя Свв. Отец — О пастырях Церкви, их почитании и творениях их.

С этими и другими проповедями, в последние месяцы прозвучавшими в Покровском храме г. Ржева, Вы можете познакомиться на сайте <http://www.rpsso.ru>, раздел «**Проповеди**».

НОВОСТИ

ВЕСЕННИЕ КАНИКУЛЫ В ПРИШКОЛЬНОМ ЛАГЕРЕ

26 Марта состоялось открытие детского пришкольного лагеря, организованного при содружестве Ржевского Дома детского творчества, школы-гимназии №1 и Покровской старообрядческой общины.

В дни весенних каникул детям были предложены прогулки, экскурсии, духовные занятия, репетиции пасхального праздника, поездки на природу, ручной труд, а также конструирование, рисование, веселые и занимательные викторины, первые весенние поездки в «Ржевскую Обитель», разведка весенних примет в природе. Пища для детей тоже соответствовала времени Великого Поста.

Каждый день детям предлагалось что-то новое, интересное. А в выходные дни многие из детей — уже по своему личному желанию приходили в храм на молитву и на занятия в Воскресную школу. И дай Бог, чтобы ростки добрых начинаний, зароненные в юные светлые души, прорастали и в будущем принесли свои добрые плоды.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В день Вербного Воскресенья Покровский храм был полон, и во всем чувствовался праздник и скорое приближение Пасхи.

После окончания богослужения праздник продолжился уже для детей, которым была предложена организованная вылазка на природу. Денек с самого утра выдался погожим, и ни одна тучка не омрачила праздничного настроения. Это первоапрельское воскресенье уж точно запомнится всем участникам. Тут были и веселые игры, и пение у костра, и «рыбные шашлыки», и что неожиданные новости из весеннего леса: «бобры еще в прошлом году построили на речке плотину, а в этом году ее затопило, что же, им новую теперь придется строить? На самом краю дальнего поля целая роща молоденьких березок выросла, скоро и они покроются первыми листочками...»

ПРЕДПАСХАЛЬНЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

2 и 3 апреля в Покровском храме прошла грандиозная предпраздничная уборка, в которой приняли участие многие из христиан, по преимуществу женщины, которым помогали и дети. Эти маленькие помощники с явным усердием старались выполнять работу, которую им поручали взрослые, и было видно, что и они понимают: скоро будет Пасха, праздник праздников! И осталась до Пасхи всего одна неделя!

ПАСХАЛЬНЫЕ ДНИ ВО РЖЕВЕ

8 апреля, встретив святую Пасху, прихожане

Покровского храма продолжили праздничную программу. Немного отдохнув после ночного богослужения, дети и подростки отправились по домам христиан - в первую очередь больных и престарелых людей - славить Воскресшего Христа. Эти детские посещения, как обычно, ожидаются пожилыми людьми с радостью и нетерпением.

Вечером в день святой Пасхи в Покровском храме состоялся конкурс куличей. В первый раз число участников не было особенно большим, однако среди заявленных на конкурс разнообразных куличей методом всестороннего анализа были выбраны самые-самые выдающиеся. И теперь авторы этих «дипломированных» изделий стали подвергаться детальным расспросам: а как вы делаете это, а как то? Можно думать, что на следующий год количество участников будет больше.

В Покровском храме богослужение совершалось в продолжение всей Светлой недели, и радость Пасхального праздника ежедневно звучала в торжественном пении пасхальных стихер и канона.

75-ЛЕТИЕ ГОДИНЫ ИСПЫТАНИЙ

14 апреля, в последний день Светлой седмицы, на Громовском кладбище в Санкт-Петербурге состоялось пасхальное молебствие.

Ночь с 13 на 14 апреля 1932 года для многих старообрядцев тогдашнего Ленинграда стала роковой. В эту ночь 75 лет тому назад, после покаянной вечерней службы Марии Египетской на пятой неделе Великого поста, в епархиальном центре на Громовском кладбище, да и по всему городу, прошла волна массовых арестов. Все священнослужители и церковные труженики, и многие из «простых» христиан совершенно неожиданно оказались в застенках НКВД.

Судьба арестованных впоследствии сложилась различно, но каждый в той или иной мере испытывал на себе ужасы сталинского режима. А многие так и не вернулись из лагерь...

По петербургскому старообрядчеству был нанесен удар, который, можно уже сказать, хотя и поколебал, но не сломал веру и дух питерских христиан.

Двадцать пять лет назад - к годовщине пятидесятилетия воспоминаемых скорбных событий в Ленинграде была зарегистрирована старообрядческая община, в течение двух лет восстановлен и освящен первый после 50-летнего перерыва старообрядческий храм (нынешний Покровский храм на просп. Александровской Фермы). Это было сделано во многом еще силами и энтузиазмом тех самых, довоенных, старообрядцев. Эти люди, выжившие в те страшные годы, и расска-

зали молодым о том, что им пришлось перенести. Они и завещали быть вместе, быть сильными духом.

В этот памятный день питерские старообрядцы собрались на Громовском кладбище, чтобы пасхальными песнопениями прославить Воскресшего Христа, и отдать дань памяти всем, пострадавшим в те далекие годы за исповедание веры. Из очевидцев того давнего разгрома были только двое. Но вместе с ними пришли и молодые, они не видели, но знают и помнят о тех днях.

Высокий осьмиконечный крест на месте разоренных храмов и торжественно звучащие под деревьями Пасхальные стихеры явственно утверждали победу Жизни над смертью, ту истину, которая всегда вела христиан к Свету и Правде, ведет, и надеемся будет вести...

В память этих скорбных событий в нынешнем выпуске «Покровского вестника» мы публикуем страницы воспоминаний епископа Геронтия, Петроградского и Тверского.

КРЕСТНЫЙ ХОД В ДЕНЬ РАДОНИЦЫ

17 апреля, в день Радоницы - первого после Пасхи дня церковного поминовения усопших - прихожане Покровского храма в г. Ржеве совер-

шили традиционный Крестный ход на старообрядческое кладбище.

В 11 часов, по окончании церковного богослужения, процессия вышла из ворот храма и направилась с пением пасхального молебна по бывшей Смоленской улице на Старообрядческое кладбище.

Во время шествия певцы разделились на два хора — мужской и женский, и «антифонно», т.е. чередуясь друг с другом, пели канон Пасхе. Придя на кладбище, первую остановку Крестный ход сделал у могилы епископа Лукиана, где была совершена лития за упокой епископов и всех почивших служителей старообрядческих храмов Ржева. Потом богомольцы прошествовали к братским могилам ржевлян, погибших во время Великой Отечественной войны, и помолились за упокой «иже zde лежащих, и всех христолюбивых воинов, на поле брани убиенных, и всех православных христиан».

Это шествие верующих вызвало живое любопытство прохожих и «проезжих» (на отдельных участках дороги маршрутным автобусам приходилось не спеша продвигаться за Крестным Ходом).

ОТКРЫЛАСЬ «РОГОЖСКАЯ ЯРМАРКА»

21 апреля в Москве на Соборной площади Рогожской слободы открылась Рогожская ярмарка. В ярмарке участвуют церковные общины и монастыри, издатели и книготорговцы, мастера и кустари, предприниматели и частные лица. На прилавках многочисленных лотков, развернутых под сенью красивых палаток, можно видеть духовную литературу современного издания и старопечатные книги, кузнечные и столярные изделия, церковные свечи, некоторые традиционные яства, вяленую рыбу, кулинарную выпечку, домашнее вино и даже медовуху, церковные облачения и одежду, различные изделия народных промыслов, предметы ручной золотной и бисерной вышивки и многое другое.

По причине прохладной погоды большой популярностью у посетителей ярмарки и самих продавцов пользовалась нехитрая горячая пища из настоящей армейской полевой кухни, «за просто так» предлагаемая всем желающим. Этот христианский благотворительный жест удался благодаря инициативе казаков Рогожской станицы при содействии детского лагеря «Ржевская обитель», предоставившего саму походную кухню.

Взаимное общение участников ярмарки помогло многим найти партнеров среди своих собратьев, установить деловые контакты, разместить важные заказы. Судя по тому, какие отзывы получила первая Рогожская ярмарка, можно не сомневаться — ей обязательно последует вторая и последующие. И даже поступили предложения организовать вторую ярмарку уже в этом году — на праздник Покрова Богородицы. Так что успевайте подавать заявки!

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ ЖЕН-МИРОНОСИЦ

22-24 апреля в Москве состоялось традиционное празднование дня свв. Жен-Мироносиц. Этот праздник, уже давно ставший традиционно «молодежным», начался, как водится, много раньше самого воскресного дня. Подготовка была начата загодя, а всю предшествующую неделю на Рогожском кипела ежедневная работа.

Уже в пятницу начала работать регистрационная контора (все гости, желающие попасть в «зону организованного празднования», должны были пройти совершенно безболезненную процедуру — зарегистрироваться, добровольно «сдать» свои телефоны и домашние адреса). Тогда же началось размещение самых ранних гостей.

Далее — суббота. Уже с утра самая настоящая кутерьма. «Ахи» и «охи» по поводу встреч. Наконец, вечерняя служба... потом ужин, игры и...

утро воскресенья. Кажется, для многих оно наступило неожиданно, застав врасплох. Это было заметно по невыспавшимся лицам, и по количеству народа в храме в начале службы. Но день разгорался, народ собирался, храм заполнялся, масштаб праздника нарастал...

Торжественное соборное богослужение в Покровском храме по традиции завершилось Пасхальным молебном с многолюдным Крестным ходом. В нынешнем году маршрут Крестного хода был сокращен — богомольцы совершили обхождение «посолонь» Покровского кафедрального собора.

После службы — традиционный (некоторые даже называют его «легендарным») праздничный обед, в ожидании которого христиане окружают трапезную, расположенную в храме Рождества, пододвигаясь все ближе и ближе ко входу. Далее — распределение: «Певчий? — вам налево; не поете? — прямо». И вот — трапеза. Думается, всеобщее голодное воодушевление передавать необязательно: ели, пели, снова ели. Все было празднично и замечательно.

Удачно прошел и вечер Духовных песнопений, в котором приняли участие сводные хоры шести епархий и два хора Московского Духовного Училища. Особый интерес вызвало выступление хора казаков-некрасовцев, приехавших со Ставрополя.

Потом — поздний воскресный ужин в том же Рождественском храме, игры и пение на улице у костра...

В понедельник организовали паломническую поездку (три автобуса) в г. Углич и в Улейминский женский монастырь (Ярославская область). Утром, уже в Николо-Улейминском монастыре паломники помолились полунощницу, крестным ходом с пасхальным молебном прошли по двору монастыря. Далее, по программе был запланирован завтрак и экскурсия по

кремлю и другим достопримечательностям старинного города Углича. После этого от паломников отделилась группа, направляющаяся домой — в Кострому и ее пригород. Затем был обед около стен древнего монастыря. Подкрепившись, полные свежих сил паломники направились в г.Кашин, где приложились к мощам прп. Анны Кашинской. В Москву вернулись уже после полуночи.

СОБРАНИЕ ТВЕРСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

23 апреля в Твери состоялось расширенное общее собрание Тверской Православной старообрядческой общины, которое возглавил благочинный старообрядческих приходов Тверской области протоиерей Евгений Чунин. На нынешнее собрание были приглашены протоиерей Валентин Новожилов, управляющий делами Ярославско-Костромской епархии РПСЦ (г. Кострома), священник Сергей Махнёв, руководитель строительства храма в г.Йошкар-Ола (храм освящен в феврале 2007 г.), архитектор Московской Митрополии Д.А. Власов.

На собрании в порядке информации было заслушано сообщение о. Сергия Махнёва о ходе работ по строительству храма в Йошкар-Оле. Был рассмотрен ряд практических вопросов по подготовке к строительству старообрядческого храма в г. Твери. Принято решение посвятить нововозводимый храм Тверской старообрядческой общины св. благоверной княгине Анне Кашинской. Согласованы основные параметры проектируемого церковного здания. Архитектору Д.А. Власову высказана просьба подготовить предпроектные предложения по планировке и привязке здания храма на выделяемом земельном участке. Протоиерей Чунину (г. Ржев) предложено персонально возглавить работы по подготовке к строительству храма в г. Твери.

СОВЕЩАНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБШИН

14 мая в Покровской старообрядческой общине Санкт-Петербурга под председательством благочинного приходов СПб и области, священника Геннадия Чунина, состоялось совещание представителей общин города. Главные вопросы — подготовка к предстоящему в начале июня приезду в Санкт-Петербург митрополита Московского и всея Руси Корнилия. Обсуждена программа приезда владыки, распределены обязанности между тремя общинами.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Мы открываем в нашей газете новую рубрику, в которой предполагаем публиковать архивные документы и материалы, факты и свидетельства прошлых веков. И не только потому, что это интересно... Знание ключевых моментов истории нам необходимо прежде всего для того, чтобы правильно определиться в современной жизни, не ошибиться в выборе своей позиции, чтобы не поддаться ложным идеям и целям... А память о жизни, трудах и подвигах наших собратьев важна нам для поддержания твердости веры, для духовного назидания.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию страницы воспоминаний преосвященного Геронтия (в 1912-1932 гг. епископа Петроградско-Тверского), воспоминаний о страшном десятилетии, проведенном им в лагерях ГУЛАГа.

Эти удивительные по смелости (для сталинского периода!) воспоминания были написаны им в 1946-1950 годах, в бытность епископом Костромским и Ярославским, помощником старообрядческого архиепископа Московского и всея Руси. До самого начала перестройки эти материалы хранилась в тайне и передавались христианами из рук в руки - как великая реликвия.

Воспоминания епископа Геронтия были опубликованы в альманахе «Духовные ответы». — 1997. — Вып.8. — С.37-94., а позже - и еще в нескольких изданиях. Здесь публикуются с незначительными сокращениями.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ВНЕ СВОБОДЫ

Тринадцатого апреля 1932 года, в 11 часов 30 минут ночи, неожиданно прибыли члены ОГПУ к моей квартире в Ленинграде, срочно потребовали открыть дверь. В этот день, на четверг 1(14) апреля, было Марьино стояние. Богослужение кончилось в 10 часов вечера. 1(14) апреля был день моего тезоименитства, нужно дома еще помолиться Ангелу Хранителю и своему святому, а главное — прочитать правило ко святому причащению. Только что кончил правило, а каноны оставил до утра, так как был в усталости. Лег на кровать, но не успел заснуть. Слышу — стучат...

Полагал — сын или кто из своих. Но стук был незнакомый. Когда отпер дверь, вошли около пяти человек. Старший из них прочитал ордер. Поручено им сделать обыск и меня арестовать. Я покорно и спокойно безоговорочно во всем подчинился. Подобные действия были еще у соседей. Их арестовано было более десяти человек.

Обыск продолжался до 8 часов утра. Около 5 часов утра явился сын Геннадий. Попросил, как обычно, прощения и благословения. Объявил, что

Епископ Геронтий. 1951г., последнее фото

и он арестован. Других разговоров не было разрешено. При обыске у меня ничего подозрительного не нашли. По окончании обыска вежливо и спокойно предложили взять с собой две пары белья, два полотенца, мыло и хлеба. В квартире у меня хлеба не было, пришлось попросить у хозяйки дома. Она дала мне булку белого хлеба, нашлась пачка пиленого сахара 400 граммов и печенья около 100 граммов. Взял часы, денег около 100 рублей и две пары очков. На машине (черный ворон) я был быстро доставлен на Шпалерку. Там опять обыски, там я увидел много знакомых... Быстро все были размещены, я оказался в одиночке. Камера была 6-7 квадратных метров, в ней были и уборная, и кран для умывания, отопление центральное.

Я полагал, что это была какая-то ошибка, так как я не чувствовал за собой никакой вины и думал, что меня должны через два-три дня выпустить, а особенно к воскресению. Но прошло воскресение — Пятая неделя поста, и Вербное пришлось тут же пробыть. И думаю, неужели и

Пасху быть мне вне свободы? Да, пришлось. Очень и очень было печально.

В четверг, 1(14) апреля, утром дали мне хлеба 400 граммов, а в обед на первое — хорошие мясные щи, а на второе — кашу. Все с мясом. Я, по случаю Великого поста и так как мяса уже не ел более 20 лет, от мясной и скоромной пищи отказался. Пришлось обдумать, какое мое должно быть меню. Хлеб разделил на две части: одну — на обед, а другую часть — на ужин. Но, чтобы хлеб был спорее, я решил разломить надвое и подсушить. 100 граммов употреблял с холодной водой, это первое, а на второе — еще 100 граммов с кипятком. Тут же и третье — это сахар с кипятком. Но так как сахара было мало, я решил каждый кусочек разбить на четыре части, по одной части на день. А одну четвертую часть делил еще на две части — на обед и на ужин. Так получилось очень хорошо. За все слава Богу!

Спросил я: «Когда будет у меня следователь и допросы и в каком я положении?» — Ответа не было.

У меня давно была мысль и желание найти время и уединение, чтобы закончить свой пост и затвор пострига. По уставам нужно или 40 дней, или восемь дней. Восемь дней я отбыл, а вот 32 дня считал за собой в долгу. Вот я обдумал, понял, что Сам Бог дал мне эти дни для этого.

С первого дня начал два правила иноческих, даже и больше, но, к сожалению, только поклонами и молитвами. Книг у меня никаких не было. Некоторые дежурные не позволяли молиться, а я им доказывал, что это моя гимнастика, а гимнастика не возбраняется. Немало было с ними спору и пререканий.

Лестовку и крест у меня отобрали. Из спичек я сделал крестик и на груди, и на рубашке огарком спички написал крестики, а лестовку сделал из полотенца: оторвал кромку вдоль и навязал узелков 50 штук — это было пол-лестовки. Но это изобретение мое тоже отбирали. От полотенца осталась только узенькая ленточка. Было еще одно полотенце в запасе.

Время идет быстро. Прошло и пятое воскресенье, и Вербное, а я все еще тут. Понял, что, видимо, и Пасху придется тут же быть. На Страстной, вспоминая все песнопения и чтения, особенно почувствовал, как нелегко быть лишенным свободы. О, как приятно было в душе пропеть: «Чертог Твой Спасе вижу мой украшен...».

Четверг великий и Пятник, потом Суббота — рвалась душа и сердце на свободу. Но сознавал, что на все воля Божия — и раньше христиане неизреченно терпели. Да, так, видимо, угодно Богу. За все слава Богу!

Вот приходит Пасха. Канон Пасхе я раньше знал на память. Стал проверять — два-три тро-

паря не помню. Наконец вспомнил, но порядок как бы забыл. Господи, взмолился я, помоги, научи! Слава Богу, все вспомнил... Радость была неопишима. Без счета пропевал я канон в уме и на 18, и на 16, и на 6, по молебному уставу и уставу всенощной. Может быть, я этим погрешил, но по три-четыре всенощных пел на день. Совершал и молебствия без счета.

Пасху разговеться мне пришлось очень хорошо. Часть булочки и печенье скушал — по одной-две штуки на обед и на ужин.

К пасхальному молебну я прилагал и другие, но одни запевы, тропарей не помнил. Может быть, я в этом и погрешил пред Богом.

Пока был на свободе, я не знал наизусть молитву «Спаси Боже...» и «Владыко многомилостиве...», что за всенощной, а там научился. Тем святым, какие указаны в молитвах, я ежедневно молился, как они указаны по порядку. Легко заучил читать и святыя молитвы. Так прошла и святая Пасха. Но очень трудно быть вне свободы, особенно в такие великие дни. До отдания я молился, как на Пасхе, — Пасхальный канон, стихеры Пасхе и часы за все.

Но вот неожиданно на Фоминой, в воскресенье, ночью, около 2 часов, вызывает меня следователь в его комнату (человек очень строгий, крикливый и несдержанный), требуя осознания моих проступков и каких-то особых преступлений. Я просил его напомнить, каких, ибо я никаких преступлений не знал за собой. Он меня выгнал. «Подумай!» — сказал. И так я был выгнан раза два или три. Более часа сидел я в коридоре. Опять вызывает. Начал писать протокол, написал то, чего я не говорил. Я, прочитавши, зачеркнул неговоренное мною. Он, из себя выходя, закричал: «Расстреляю!» Я спокойно говорил: «Пожалуйста. Но зачем кричать». Пришел еще один человек из членов власти в комнату. Тогда и он стал скромнее.

Я просил о свидании или передаче — у меня начали отекают ноги и в сапоги не входили, да и зубы начали качаться все.

«Два года продержу в одиночке и никаких передач не разрешу! Засажу в карцер!» — так он отвечал мне. В результате долгих споров о написании протокола я подписал после трех-четырех исправлений.

Выгнал меня из комнаты. Придя в камеру, я спросил: «Что такое карцер?». Мне объяснили, что там хлеба дают по 200 граммов, без постели и горячей пищи. Я решил на Фоминой неделе попробовать, могу ли я пробыть на 200 граммах хлеба. И прожил, как в карцере, спокойно. У меня осталась в запасе одна пайка — 400 граммов хлеба. Я ее высушил на запас для поддержки себя, если попаду в карцер. После этого доп-

роса и заявления, что «два года продержу в одиночке», мне пришлось еще скромнее и воздержаннее себя вести, а особо с сахаром. Его было очень мало.

После Пасхи, несмотря на отмену поклонов по уставу, я свой затвор старался выполнять, дабы не оставаться в долгу, и совершал два-три правила в день. Немало меня смущали кушать мясное - я не ел. Оставляли миску со щами и кашу на сутки, но я обратно сдавал им.

Неожиданно в углу увидел азбуку перестукивания. И каждый день соседи мне стучали. Как-то начал учиться. Но дежурный увидел меня и поругал. И я отказался от всего этого. Очень высоко было окно в камере, но я решил посмотреть и увидел на прогулке некоторых знакомых своих. Был я в третьем этаже. Я решил с ними похристосоваться и громко сказал: «Христос воскрес!» Окно было немного открыто. Опять увидел меня дежурный и еще больше поругал, грозя, что и молиться не даст, и в карцер посадит.

В июле был еще допрос, также с шумом и с криком. Зачитано было обвинение по статье 58, пункт 10 и 11. Я спросил об указанной статье и пунктах, что это значит. Следователь ничего не ответил. В августе еще был допрос о переписке с заграничными, я спокойно объяснял, что такого никогда не было. Однажды лишь пришло мне письмо из-за границы: требовали адрес и обещали присылать посылки. Я категорически отказался. Ответ сохранился в делах, я даже указал на папку. Но следователь, видимо, уже знал все. Он был очень вежливый, и мне объяснил о статье. Я ему заявил, что обвинение неправильно. Он ответил, что это дело следователя.

Цинга возрастала все более и более. Ноги отекали так, что в галоши не убирались. Я одну пару белья разорвал на тряпки, так как ноги стали зябнуть. Ежедневно писал заявления. Ответа не было. Часто вызывал врача, но опять бесполезно. Врач обещал дать лекарство, но не дал. Я ему сделал замечание. Он мне сказал: «Тебе нужно не лекарство, а питание». Он посоветовал написать начальнику тюрьмы и сам прописал мне 500 граммов молока и 100 граммов белого хлеба на каждый день. Три дня было скоромных до Успенского поста. Я молоко употребил, а на пост отказался и получал только хлеб. Зубы все начали качаться, на ногах — пятна цинги, а лечить нечем.

Когда я написал начальнику, он прибыл в камеру со своим адъютантом. Подробно ему объяснил все. Он обещал разрешить передачу. Я указал даже телефон нашего дома.

Через двое суток, накануне Успения, стучат в окно. Спросили фамилию. Оказывается, это была передача. Одно место — теплые вещи, а другое — продукты питания, около пуда. Очень хоро-

шая передача. В ней были и свежие помидоры, и рыба, и масло.

Накануне Успения я вкусил с особым аппетитом помидор с белым хлебом досыта, а в Успенский день было полное богатое разговение вместо Пасхи. И потом через неделю — снова передача. Через две недели я окреп, и зубы перестали шататься - за пять дней до этого зубной врач предложил все зубы вытаскать, так как их рукой свободно можно было вынуть. Очень все качались. Через три недели я свободно кушал ими твердую пищу.

Камера моя была чище всех, и во всем был порядок. За это меня хвалили начальствующие. И мне очень нравилось быть в одиночке. Один и помолюсь, и в уме попою. Никто не мешает, и у меня весь день в работе: два раза уборка камеры и натирка пола, а потом молитва. Очень было хорошо. Слава Богу за все!

Два раза в месяц был в бане. На мытье давали десять минут. Водили в одиночку. Если кто встретится, то нужно обращаться лицом к стене, загораживаться, чтобы не смотрели. Мыться успевал, но под душем. На прогулку меня не выпускали пять месяцев, а потом водили одного на десять минут. Были случаи, наши увидят, начнут кричать в окно мне — сразу же прекращается прогулка. Когда выходил на прогулку, меня мотало от слабости, как пьяного, с трудом ходил определенный круг. Кверху смотреть было воспрещено. Были случаи — как посмотрю, сразу же прогулка кончается.

В конце сентября приходит дежурный в камеру и заявляет: «Собирайся, пойдешь в общую камеру!» Я почти со слезами его просил оставить в одиночке, но он ответил: «Так приказано».

С трудом забрал вещи и пошел. Подошли к одной камере, спросили: «Как фамилия?» Оказался там один с моей фамилией. Это племянник. Нельзя, повели дальше. Открыли дверь другой камеры, там однофамильных не было. Камера переполнена. Вместо 25 человек было 50. Меня толкнули, и я сел у двери на свои вещи, даже протянуть ноги нельзя. Оказалось в этой камере двое из наших. Они упросили старосту камеры меня пустить на их место. Староста согласился. Меня очень радушно приняли. Это были Ларионов А.И. и Попов Василий.

В камере шум до драки, воровство, теснота. С людьми я разговаривать не мог сутки. Отвык. А потом мы разговорились со знакомыми. Они мне сказали, что недалеко тут и мой сын, и другие родные. Оказалось, что сын в одиночке был со мною рядом, он и стучал мне. Но я этого не знал.

Когда на прогулку вышла та камера, где был сын, он меня узнал, а я его нет. У него была большая борода. Через две-три недели на про-

гулке случилось его увидеть. Прогулка в обеих камерах была на 30 минут. Вот тогда я узнал, сколько наших было вместе со мною. Передачи кушали вместе со знакомыми. Но были случаи, когда нас лишали передач. Приходилось быть на пайке, я на одном хлебе, а они кушали все предложенное.

В ноябре объявили, что я осужден КОГПУ на десять лет лагеря по 58 статье, пункт 10-11. Спокойно выслушав, заявил им: «А больше нельзя?» Сказали: «Нет». «Слава Богу, — ответил я, — что мне теперь 60 лет, до 70 лет я должен жить и честно срок отбыть. Тогда или умирать, или домой». Все были поражены моим спокойствием и смелостью. Слава Богу за все!

Всех нас переправили в тюрьму, называемую «Кресты». Там пища была только рыбная, всегда без мяса. Для меня это было хорошо. Но очень тесно было в камерах. Около месяца пробыли там. Потом меня переправили в тюрьму «Нижегородскую», — тоже теснота. Эта называлась этапная тюрьма. Там все мы, родные, оказались вместе. Начали готовить этапы. Нас назначили в Лодейное поле, а провезли в Соликамск.

Перед отправкой нас, человек десять, поместили в камеру, где были так называемые «урки» — воры и бандиты. Мы догадались: вещи свои все положили в угол, а сами сели у вещей. Они твердо заявили: «Сейчас будем делить посылки и кушать сухари». В это время точили пряжки от жилет, чтобы можно было резать мешки. Мы в ужасе ожидали, что будет дальше. Рядом в камере слышался необыкновенный шум, драка.

Там было до 15 человек урок и пять-шесть человек с 58-й статьей. Из них был один особый силач, богатырь. Урки его не знали. Сразу же урки предложили делить посылки. Силач строго заявил, чтобы никто из них не шевелился. Но они не удержались. Один мешок разрезали. Этот силач взял что-то в руки твердое и начал их так сильно бить, что все оказались в крови и все заорали, что есть мочи. Сбежалась охрана, и стрельцы открыли камеру. Прибежал начальник тюрьмы. Силач еще продолжал свое дело, и никто не в силах был его побороть.

Начальник приказал уркам выйти и ругался, что соединяли 58 статью с урками. От нас убрали урок и поместили по 58 статье других. Окровавленные урки жаловались начальнику и просили наказать силача. Начальник спокойно ответил: «Вы свое получили по делам вашим, и впредь не суйтесь воровать». А силачу сказал: «А вы бы полегче били». Он ответил: «Очень легко бил. Если бы посильнее, каждого бы на смерть уложил». Сразу все притихли.

Через несколько часов мы оказались в вагоне с решетками. Одна половина урок, а другая — по

58 статье. Мы были почти все свои, знакомые. Был сын и два племянника, Лакомкины и Усов.

Ехали до г. Соликамска 14 дней. В дороге, даже сквозь решетки, урки ухитрялись обворовывать людей, осужденных по 58 статье. Путь был очень благополучен до г. Соликамска. По прибытии в Соликамск урки успели освоиться с находящимися там урками и решили сделать на 58 статью нападение. Когда пошли в баню, вещи все были оставлены на дворе у забора. Поставлены были дневальные, но часть хороших вещей все же украли.

Когда же после бани поместили всех в барак, осужденные по 58 статье отделились на свои особые нары, и урки — особо. Ночью они пригасили огни (это лампы без стекол) и вот, в темноте началось побоище и воровство. Был необыкновенный шум и крик. Люди по 58 статье вещи все положили в головы, а сами окружали их, лежа на нижних нарах. Урки влезли на вторые нары и разобрали их в тех местах, где лежали вещи, и начали их удить — доставать. На крик и шум сбежались все начальствующие. Темнота, шум, крик, драки. Очень нелегко было все это усмирить. Утром почти всех отправили в лагеря. Кого в Красновишерск, кого в Пермь и др. Осталась часть инвалидов. И сразу всем были предложены работы. В Красновишерск ушли два племянника, а сын — в Пермь, я остался со старцами. Мы сразу же организовали плотницкую бригаду. Бригадиром был избран протодьякон Х. Марков. Приступили к работам по переустройству нар в бараках.

Но вот когда мы, инвалиды, остались в Соликамске, начальник решил у всех обрить бороды. Нас с бородами было около десяти человек. Применили насилие. Мы все забрались на верхние нары и не шли к парикмахеру. Начальник применил хитрость и вызвал меня, как бы условиться о ношении бороды. И как я сошел с нар, четверо взяли меня, кто за руки, кто за голову, и насильно остригли мне бороду, а потом и другим. Это было для меня особое горе и печаль. Но нужно терпение.

Через пять-шесть дней меня выделили в санитары. Старший заболел, и мне пришлось быть за старшего санитаря. Очень нелегко было навести порядок. Тем более, что был я неопытен в раздаче хлебных пайков. Меня постоянно обвешивали. Когда хлеба больным не хватало, я добавлял своими сухарями из посылок. Но мне удавалось для больных получать все, что полагалось, так что пища получалась хорошая, и больные были очень довольны.

Когда бригадир Марков был вместе с нами в бане, в городе, его бушлат упал в состав дезинфекции, и половина бушлата намочила. Мы с тру-

дом отжали. Он надел мокрый бушлат и пошел пешком в лагерь, от города около двух-трех километров. Дорогой сильно простыл. Был мороз 38 градусов. Марков слег, и три дня проболел в лазарете, а через семь дней умер от воспаления легких. Мне с другими пришлось его похоронить на особом городском кладбище. На могиле был поставлен крест. Погребен был по чину. Очень жаль было его, но он успел причаститься. Приезжали его родные на могилу и мне привезли запасных даров и епитрахиль коротенькую.

Неожиданно был проездом у нас в лазарете профессор медицины Бек-Домбровский. Больного его также насильно обрили — он носил борода. Это было для него большое оскорбление.

Был приказ, чтобы от больных никто не смел брать пищу, и то, что им полагается, то и выдавать под строгую ответственность. На другой же день утром является ко мне бухгалтер-пьяница, два-три лекпома и просят мослов. Это значит, на каждого дать около одного килограмма мяса. Я отказался, указав на приказ. Мне пригрозили и обещали отомстить, ибо это у них был закон: поедать мясо, предназначенное для больных.

Злоба на меня росла все более и более от тех, кому я не давал мяса, сахару и т.п. от больных. Меня сняли с работы по жалобам указанных лиц и поместили в самый грязный барак. Вши, воровство и урки. Спали все одетыми, но и с сонных снимали, что вора́м нужно. Вшей не искали, их просто сгребали и кидали. Грязь необыкновенная.

Когда профессор Бек-Домбровский приехал в Соликамск на ревизию, позор и стыд был для всех. Заместителя старшего санитаря накрыли с медсестрой в кабинете, санитары все спали. Больные беспомощно стонали. Со слезами жаловались на большие беспорядки. Были арестованы два лекпома и три санитаря, и медсестра была снята с работы. Меня совсем обворовали, но опять просили быть старшим санитаром. Я отказался. В один месяц на этой должности сменилось немало людей.

Летом нужно было отправить вещи заключенных в Красную Вишеру. Зимой, когда приезжали этапы в Соликамск, они в Вишеру ходили пешком 120 километров, а вещи оставляли в Соликамске, где их почти начисто обкрадывали. И вот этих полупустых корзин и сундучков нагрузили баржу около 1500 штук и решили отомстить мне — послать перевезти и там заключенным сдать вещи.

Я знал, что сундучки обкрадены, и отказывался сопровождать груз. Но они насильно послали меня со стрелками.

Когда я прибыл на берег реки, где была баржа, мне вручили списки заключенных, чьи были

вещи, всего 12 списков. Мне сказали, что в барже 12 груд — судя по спискам. Когда мы со стрелками проверили, оказалось только 10 груд, и в них была недостача — где пять, где десять штук. На сундуках и корзинах был при приеме проставлен вес — 10, 12, 15 килограммов, а при проверке — наполовину вытасчено. Срочно я потребовал составить акт. Пригласил кладовщика, и он, и стрелки подписались, что вещи не в целости.

Когда прибыли заключенные получать свои вещи, а вместо вещей были почти пустые корзины и сундуки, тут на меня была неопи́сываемая ругань, готовы были убить меня. Истерики, а особенно от женщин, были неисчисли́мы. Начальству я показал акты и сказал, что я вещи не принимал, все было указано, и стрелок это удостоверил. Представители третьей части меня оправдали. Вызвали начальника из г. Соликамска. Хотели и его предать суду, но и он оправдался, так как он ни от кого не принимал вещей, а принимали кладовщики, которых уж нет. Кто посажен, а кто умер. Но всех более пришлось переживать мне.

Целый месяц я раздавал вещи и сильно заболел от расстройства. Положили меня в лазарет. Лежал полтора месяца. А в это время было освобождение заключенных по болезни, и я был освобожден. Ехать домой по болезни я не мог, а когда выздоровел, пришло распоряжение никого не отпускать. Нас, несчастных инвалидов, осталось более 300 человек, а до тысячи были освобождены. И тут горе и печаль. Увы, нужно терпение. Слава Богу за все!

По выздоровлении меня назначили дневальным и старостой в бараке, где помещались санитары, медбратья и разные должностные лица. Неожиданно в числе санитаров оказался владыка Иринарх Парфенов, который жил со мной около трех месяцев. Радость наша была неопи́сываема. Но, увы, он был направлен в другой лагерь.

Нередко подкрадывались воры в этот барак. Однако-ж ловили. Я не дежурил, а дежурил старик — мой помощник. Жильцы, поймав вора, решили сами наказать его. Били более трех часов. Был вор без сознания. После этого он остался жив, но всем вора́м говорил открыто: не ходите в этот барак, там очень сильно бьют и строго охраняют. Воров было ужасно много, трудно было ходить из барака в барак, и по ночам воровали.

В Вишере было около 25 баракoв, для больных было 10 баракoв, и вот в одном, мимо которого была езда, много было воровства. За год три старших санитаря были арестованы и преданы суду. Никто не хотел быть старшим санитаром. Врачи облюбовали меня. Долго я не соглашался, но когда согласился, то поставил им условие, чтобы бороду мне не брить (а перед этим меня еще

раз насильно в бане обрили), чтобы санитаров кормить из больничного котла, чтобы они были сыты и чтобы не воровали. Тогда я принял барак, где больных было около 200 человек. Сразу же я сделал список выданных им вещей, и они должны были в получении расписаться и сами себя охранять, сознавая, что за утерянные и пропавшие вещи они отвечают. Сразу и воровство сократилось, порядок был образцовый в бараке. К весне 1934 года объявили, что лагерь в Красной Вишере закрывается и больные будут переведены в другие лагеря.

Зимой из госпиталей кому-то в ум пришло сделать какое-то «закучивание». Среди лагерников были старицы неработающие и старики. Старицы были как монашки, у всех были на платьях и на одеждах кресты. И вот объявили, что их живых будут хоронить. Собрали их до 50 человек. До десяти могильщиков нарядили как духовенство в рогожные ризы, и дьяконы — стихари из рогожи. Вместо кадил — горшки на веревках. Повели их как бы на особое место хоронить. Дорогой злоумышленно пели развращенные как бы молитвы и ектении. Осужденные шли спокойно. Народу лагерников вышло смотреть более 1000 человек. Привели к месту похорон, пели издевательски-кощунственно. Нужно бы смеяться, но никто не смеялся. Приказано было кончить. Все разошлись. Также пошли в бараки и осужденные на смерть. Когда узнало об этом высшее начальство, попало всем — и выговоры, и аресты. Так оказалась указанная выдумка бесславна и во вред им самим.

Было три женских барака, а мужских — более 15, чаще пустых. Разврат был неопишуем. К весне всех лагерников расформировали по другим лагерям. Больных также. Меня назначили провожать до Соликамска около ста человек. Направлены были дальше, но там больных не приняли, пришлось быть лето в Соликамске, и к осени направили в Саранск, я — сопровождающим вместе с другими. Прибыли в Саранск, и всех разослали, кого куда. Это было в 1935 году.

Я не знал, на какую работу проситься. Решил на портновскую, по починке вещей. Экзамен выдержал успешно, а вечером приказ — снова явиться в лазарет. Полагал, что-либо не так сдано, но, оказывается, главный врач узнал, что я уже был санитаром, и с хорошей отметкой, срочно меня вызвал и назначил старшим санитаром вопреки желаниям завхоза. Тот рекомендовал своего знакомого. Врач настоял, чтобы взяли меня. Когда я пришел в барак, увидел беспорядки: воровство пищи и очень плохое отношение к больным.

Врач меня пригласил к себе, узнавши о моих порядках в Вишере, предложил установить такие же. За неимением бумаги на фанерках я сде-

лал расписание пищи по палатам. Предложил завхозу, а он выбросил их и приказал мне снять халат, а меня снял с работы и отправил в барак, говоря: «Какой-то старик пришел нас учить».

Когда я увидел врача, стал прощаться с ним и заявил, что я снят с работы и мои предложения и фанерки выкиданы. Врач был очень огорчен. Строго приказал найти фанерки, меня оставить, а завхоза снять с работы. Я упрашивал: ведь из-за этого будет вражда. Пусть они работают, как знают. Врач доложил начальству, и на ночь завхоз был удален даже из комнаты лазарета, где он находился. Порядок был наведен очень хороший, но немало мне было и мщения от изгнанных. Повариха за неумелую ее работу, халатность и воровство была снята, а довольствие больных было поручено очень опытному повару из Вишеры. Бухгалтер, он же и статистик, запьянствовал и дело запустил. Его удалили, а меня вместо него назначили быть статистиком. Это для меня было новое дело. Пришлось его спешно изучать. Начальство и врачи были удивлены моей работой. Сам Бог помогал мне.

Кроме того, что я работал старшим санитаром, еще имел нагрузку: обучал безграмотных и малограмотных. 30 человек в три месяца обучил не только читать и писать, но и на счетах считать. Одновременно со мной занимались обучением четыре протоиерея, два академика и два семинариста.

Когда умер Киров, заключенных по 58 статье сняли с хозяйственных работ и они могли работать только на общих. И меня с работы сняли. Начальство очень просило оставить меня, но нельзя — статья 58.

Пошел учиться плести лапти. Изучил и это дело, но норму не мог делать. Пришлось учиться ткать рогожи. За неимением сырья и эту работу пришлось оставить.

Заболели руки, пальцы — растяжение жил. Вольный врач, Варвара Мельникова, перевела меня в инвалиды третьей группы - неработающие. Мне пришлось жить на 400 граммах хлеба. Нас, духовенство и инвалидов, перевели в отдельный барак под особый надзор. Была Пасха. Все решили помолиться, прославить Воскресшего Христа. Начальство узнало — оштрафовало всех на один квартал, лишив заработанных дней в нем, в том числе и меня. Перевели нас рядом, в личную, а там сырость, болото. У всех появилась малярия, и я болел 28 дней. А оттуда приказали нас, инвалидов, перевести в г. Алаторск, на л/п Алаторское.

Когда поехали, денег не было, не было и посылок. Приехали на станцию. Там на открытом воздухе ожидали поезда семь суток, кушать было нечего. Мой друг Нестор вызван был раньше, я

отдал ему хлеб и сахар. Надеялся, что мне поможет кто-нибудь из духовенства, но никто не помог. Было и холодно, и голодно, и уехать не могли. В один из дней меня вызывают, и вручают передачу: большой деревенский хлеб, и картошки вареной штук 30, и яблок 15. Необыкновенная была радость. Это было от знакомой матери Порфирии. Она у нас останавливалась. Женщина увидела, что я получил передачу, еще прислала денег и хлеба. Но больше не разрешили. То, что разрешили хоть раз, и то было чудо от Бога.

Когда прибыли в Алаторск на л/п, у нас с Нестором ни гроша не было, есть совершенно было нечего. Пришлось быть на 600 граммах хлеба. Решили продавать свои вещи, но никто не покупал. И вот, сидя в бараках, мы приуныли. Решили усугубить молитвы, и что же... Неожиданно спрашивают мою фамилию. Не узнал, это была мать Порфирия с большой передачей. Неописуема была у нас радость, так как получили продовольствие и денег. Разве это не чудо Божие!

Меня назначили бригадиром над инвалидами по работе внутри зоны. Случайно в мою бригаду я взял знакомого И.И.Мухина. Он был у меня дневальным. К нему нередко приезжали его сыновья и дочь. Потом он был освобожден. Был у меня на свидании вместе с матерью Порфирией и владыка Викентий из Москвы. Поплакали мы оба. Ему хотелось многое сказать мне, о многом поговорить, но не разрешалось.

Друга моего, Нестора, отправили в этап. Чем возможно было, наградили его. И больше я о нем ничего не знаю. Он был слаб и неопытен в жизни, беспомощен и, наверное, умер с голоду. Очень и очень жаль его, человек был святой жизни.

В бригаду ко мне назначили духовенство и татар. Татары — очень честные люди, трудолюбивые, и друзья хорошие. Неожиданно нас переселили в другие, Ветлужские, лагеря Горьковской области, в пятый л/п, поместили в барак с урками и бандитами. Старостой назначили меня. Я серьезно отказывался, но начальник был несговорчив. В бараке — грязь, беспорядок. Я решил вымыть нары и пол, и переписать всех живущих. Место мы себе избрали особое: вверху — татары, около 15 человек, внизу — духовенство 15 человек, а всех было 100 человек. Я всех предупредил: быть стойкими, и не трусами. Для защиты при себе иметь что-нибудь. Ночью, около 2 часов, врываются трое и требуют у нас хлеба. Я вижу, в руках — большие ножи. Громко вскричал: «Ребята! У нас воров». Татары вскочили, и у них были у ног лопаты, а у кого колья. Они сверху сразу по рукам бандитов начали бить. Ножи полетели. За них было вступились другие, но храбрость татар была несокрушима, а духо-

венство что есть силы закричали — голоса у них были сильные. Прибежали начальство и стрелки. Я серьезно к ним обратился, указывая на открытые разбои. Здесь у них так обычно и было: ножи — и все покорно сдаются. Воры оберут и уходят в другой барак, и там тоже.

Все успокоились. Дневальных я назначил своих. Когда же получал хлеб, у меня 5-6 пайков не достало. Потому что во время раздачи один урка получал по два раза. Кто именно, я не знал. Так же и обеды. Мне пришлось платить деньгами по 50 копеек за пайку и 20 копеек за обед. Каждый день выходило не менее пяти рублей. Расход из своих средств. Тогда назначил помощников, разбил всех на четыре бригады. Все помощники отказались — и их также обсчитывали. Хотя начальник лагеря в приказе и хвалил меня как отличника и за храбрость, но я более служить был не в силах. Слава Богу, нас перевели на седьмой л/п, а там урок оказалось больше. Два барака их, совершенно неработающих. Только воровали и грабили. Положение было ужасное.

Меня опять назначили бригадиром барака, где было одно духовенство всех наций. Тут были епископы, пасторы, ксендзы, адвентисты, иеговисты и т.п. Вот начальник вызывает меня, дает мне двух адвентистов, говоря: «Они не работают и власть не признают. Возьми к себе и исправь их». А как? Это не легко. Начальник сказал: «Ты сделаешь». Я расспросил их об их убеждениях и скоро сговорился: «Если вы для начальства не хотите работать, то для нас поработайте, для ближних своих. Одного попросил быть уборщиком возле барака, а другого — инструментальщиком. Начали работать. Оказались хорошие работники, я их убедил в подчиненности гражданской власти. Дали и третьего такого же. Его назначил ежедневно мыть в бараке пол, как дневального. Начальник был очень доволен, благодарил.

Поручили нашей бригаде наблюдать чистоту в зоне и вне зоны запретную линию у ограждения взрывать. Работы шли успешно, но очень часто нападали на нас, отнимали хлеб.

Однако начальник здесь был очень хороший человек, хлеб нам, если украдут или отнимут, вновь прописывал. А за отличие нас награждал всем, — и хлебом даже, и сахаром. Хлеба давал по 900 граммов и обеда — сколько угодно.

Раз были в бане, на нас напали и украли кое-что, а особенно, у одного хорошие сапоги. Начальник их нашел, но они уже были на колодке в переделке.

В одну ночь, хотя мы и строго себя охраняли, к нам ворвалось трое-четверо с топорами и ножами, говоря: «Давай вещи!» Я не растерялся,

опять закричал: «Ребята! Воры! Охраняйте себя и всех!» На крик прибежали стрелки, воров поймали. На нас очень озлились.

Был еще случай. Ночью переоделись в членов пожарной команды, захотели якобы проверить помещение. Я не пустил. Начали штурмовать крыльцо. Опять крик спас нас от грабительства. Это были бандиты. В уборную по одному не ходили, а человек по 5-6 и с палками.

В лагерях бандиты и воришки очень увлекаются игрой в карты. Проигрывают все: и самих себя, и людей, и что на людях. В одном л/п проиграли даже начальника. Проигравший должен его голову представить выигравшему или свою отдать. Начальник уехал безвестно куда, опасаясь за их мщения и убийства. И вот однажды мне прислали очень видное ватное пальто. И как мне секретно сообщили, оно было проиграно кем-то в карты. Я не надевал его. Но вот пришлось идти в канцелярию. Возвращаясь, я заметил подозрительного человека и стал ожидать, как бы мне уйти при людях. Путь мне был менее ста сажен. Я увидел человека и пошел. Воришка взял полено метровое, толщиной более 10 сантиметров, и тихо, быстро подкрался ко мне. Я шел не оглядываясь, надеялся, что он при человеке не нападет на меня. Не доходя до барака 10 саженей, он подбежал и со всей силой ударил меня по голове. Была же на мне толстая шапка-ушанка, она оказалась рассечена, и на голове была рана шириной два-три сантиметра, длины 10-12, я упал без чувств. Он хотел снять пальто, но сразу же открылась дверь барака, и вор побежал. Я, очнувшись, едва в чувствах показал на него. Но его не могли догнать. Около двух-трех месяцев сильно болела голова. А воры говорили: «Какой живучий старичок, били насмерть, а он не подох. Но добьем и пальто отнимем». Это было зимой, в марте, а в апреле 1937 года нам объявили готовиться к этапу на Котлас. Вместо освобождения нас отправили на север.

В Фомино воскресенье нас начали сажать в вагоны. Тут же мне две посылки с пасхальными гостинцами подали в вагон. Сорок человек это все видели, из них — половина урок-воришек. Две посылки, в обоих крашенные яички и куличи, очень хорошие и большие. Я решил один кулич разрезать на сорок частей и всем находящимся в вагоне дал часть кулича и по одному крашеному яйцу. Урки это очень оценили и сказали: «...тебя не обкрадет в дороге никто за твоё деяние. Мы десятки лет не едали кулича, и теперь у нас старинная Пасха». Они себя оправдали.

Когда прибыли в Котлас, то там уже на нас было нападение местных воришек-уроков. Но наши урки их набег отразили. Когда посадили на барку ехать по реке, там опять нападение, и снова

отразили. Когда приехали в Княж-Погост — и там нападение, они снова нас спасли. Я очень был поражен такой их справедливостью. Я это учел еще раньше, когда был на 7 л/п.

Был против меня знаменитый бандит. Я ему давал от каждой посылки, и он мне также сказал, что не позволит никому воровать у меня. Он был справедлив, никого он не допускал.

Переезд этот был очень и очень жестоким. Многие были догола обкрадены, но меня и других наши урки спасли.

Из Княж-Погоста меня как больного направили в Гердиоль, по-русски — Красные Ручьи. Помещение было очень мало, и нас поместили в сарай. Нары плохие, кухня очень мала. Посуды не было. Тазики одни и те же — что для приготовления пищи, то и для мытья полов. Ложек и ножей не было. А место очень хорошее, на берегу реки Ухты, кругом лес. Птиц, глухарей, рябчиков, видимо-невидимо. В реке рыбы много.

Больных кормили рябчиками и глухарями. Один из местных ежедневно ловил до сорока штук рябчиков и глухарей до десяти штук. Я неделю не пролежал — был на ходу.

Решил работать санитаром и огородничать: сажал лук, свеклу и капусту. Врачи меня очень полюбили, и начальник. Была посылка, а в ней просфоры и книги (каноны). Он все мне их выдал, даже и медные иконочки и крестик.

Около года работал санитаром в поносной палате, от 30 до 40 человек палата. Затем против своей воли я был назначен делать хвою. Хотя палата была для умирающих, но и то я соглашался работать там еще, а делать хвою не хотел. Тогда я решил делать квас, но не знал как. Стал спрашивать, и меня научили. Квас с хвоей или хвоя с квасом вкуснее — Бог мне указал средство. Я стал обдумывать, как сделать машину для щипания иголок хвои, строгальную машину. Последняя была очень удачная. Квас с хвоей был на славу. Начальство оценило мой труд, а главное — любило квас. Издалека приезжали пить. Вместе с хвоей я собирал разные растения для лекарств: раковые шейки (от поноса), потом еще один знаменитый корень от чахотки. Один инженер вылечился.

Перевели нас в сангородок при станции Керки. Вот тут мне еще больше пришлось развернуть свое дело. Я там конструировал особую хвострогальную машину. Чертежи послал в столицу Коми и в л/п. Пришлось инструктировать всех, расширять это дело, ибо там цинги было очень много. Под наблюдением врача мы делали хвою, т.е. настои с дополнением других растений: одуванчика, репейника (розовые цветы) и многих других.

Летом я с командой собирал шиповник, а вес-

ной для пищи щавель и крапиву. Был год, когда не было продуктов. Целое лето кормились щавелем с крапивой, но в то же время я продолжал делать квас и хвою.

Делал два года лечебные дрожжи. Квасу была потребность от 40 до 50 ведер в сутки. Образцово была устроена квасная, чисто, уютно. И тут же хвойная. Был свой погреб, чтобы летом квас был всегда холодным.

Нашлись люди враждебно настроенные и завидовавшие, что у меня все успешно, оклеветали меня и донесли в третью часть, что якобы я со врачом занимаюсь вредными делами. Начальник, т. Шемака, сам все это исследовал и прекратил все клеветы. Приказал дать врачу и мне все наилучшие удобства в жизни, а врача освободил от заключения, скостив ему два года. А мне пришлось немного пересидеть в заключении. Женщина, начальница, была против нас. Она старалась опорочить нас, но сама понесла наказание. За ее противозаконие она впоследствии получила срок пять лет. В 1942 году мой срок закончился. Я заявил ей об этом. «...Срок твой до гроба», - ответила она и сказала воспитателю, что у меня есть Библия. Они решили меня обыскать и еще дать срок. Но книги были вперед увезены с вещами. Хотела меня удалить из квасной, но начальник штаба дал приказ меня не трогать. Сам спросил, когда же мне срок. Я заявил, что уже три месяца лишних отбываю. Через два дня был приказ меня освободить.

Перед освобождением был у меня начальник Шемака и большая комиссия. Был самый главный врач всех лагерей. Проверили наш сангородок. Все были поражены и удивлены квасом и хвоей. Еще раз пришлось чертить чертежи машины и подробное объяснение о вкусе хвои. Хотели меня премировать, но статья плохая. Все были удивлены, как это я мог обдумать и устроить хвострогальную машину и достичь такого вкуса хвои. За все очень меня благодарили.

Но вот получаю телефонограмму: вызов за паспортом и объявление об освобождении. Нужно было ехать в штаб. Там получил паспорт и назначение инструктором по квасоделанию и хвое. Жалование 200 рублей в месяц. Но поскольку шла война, все свои средства пожертвовал на защиту Родины.

В июле 1942 года получил паспорт, и по приезде на ст. Керки мне поручено было сделать заготовку грибов, ягод и хвои для квасоделки. За три месяца я на 마리новал грибов более 50 бочек, в среднем каждая по 100 килограммов, и сушеных очень много. Насушил и намочил брусники. Ежевику замочил - получилось хорошее вино. Продукция моя была лучше всех. Начальство еще больше ценило меня. Назначили меня

помощником инспектора проверки во всех лагерях заготовки грибов и ягод.

Грибной сезон кончился, и в октябре я получил разрешение на выезд. Начальница была вне себя. Она никак не хотела допустить, чтобы меня освободили, чтобы дали разрешение ехать на родину. Слава Богу за всё. Всевышний всех сильнее. Он был моя защита и упование.

За все десятилетие на каждый день я во всем видел Твою помощь, даже и чудесные спасения. Мне говорили, что десять лет нельзя прожить без мяса и без скоромной пищи в лагерях, но я легко это перенес.

До 1938 года были часто посылки, они меня поддерживали, а тут я научился делать квас, и это была наилучшая моя пища. Находились люди сочувствовавшие мне и на кухне, и среди начальства. Когда был на станции Керки, начальство узнало, что я не ем мясное и не получаю свой паек, приказало мне выдавать рыбу и масло более чем за два месяца. У меня получилось трески и масла столько, что я ее кушал и тогда, когда был освобожден. Дано немало мне и постного масла. Это воистину была Божия помощь.

Так и в молитве. У меня было желание помолиться, и Господь помогал находить убежище, а последние три года было особое помещение, можно было молиться сколько угодно. Когда был санитаром, меня на это побуждало то, что я ночью при дежурстве имел возможность не только поклонами молиться, но и по Псалтырю. Много было книг отнято, но Псалтырь и Новый Завет были у меня всегда. Отбирали и возвращали. И какая-то сила Божия охраняла меня. Была лестовка и мантия - сохранились. Тысяча была обысков, а это сохранилось. Все время были Святые Тайны. Еще в Соликамске было доказано об них, что я храню Святые Тайны. Они были в сухарях, в чулане кабинета, во флакончике, когда все сухари, две посылки, пересыпали по сухарику — искали. Но в это время этот мешочек был в чулане кабинета и висел на веревочке, от мышей я его повесил. Когда меня изгнали из лазарета, посылки все разворовали. Я пошел, взял и мешочек, и флакончик, положил в рукав, а сухари высыпал у старосты барака на стол, и все мы их ели вместе. Сразу же за мной обыск, спрашивают, что я взял в кабинете. Я сказал, что взял сухари и все их съели у старосты барака. Все подтвердили. А Святые Тайны были спасены.

В Гердиоль прислана была целая посылка профтор и Святые Тайны в бутылочке. Сочли, что это мелкие сухарики; они были и до окончания. Привез домой, и хватило бы еще на 10 лет. Помощь Бога неопишима, слава Богу за все!

Когда у меня в бараке был со мной владыка Иринарх, у него по его неопытности все святое

отобрали, а меня Господь сохранил. Я завернул все в тряпочку и положил на верхние нары. При обыске не обратили на это внимание, и они были спасены. Псалтырь раза два попадалась стрелкам, и, к счастью, они были верующими, заметили и просили быть внимательным и подальше убрать. Часовник и правильные каноны открыто читал, но враг-человек доложил об них, и их отобрали. В Алатырском л/п отобрали Часовник и Новый Завет. Я обратился к начальнику, он возвратил и сказал мне: «Читай, только сам, и никому не давай». Отобрали по ошибке, так как начальник отдал приказ книги у всех отобрать. Все были удивлены, что вернули. Это разве не чудо Божие? Явное чудо.

Чудные дела Божии. За десять лет сколько раз был обмороженным и застуженным и всего-навсего болел только полтора месяца. Сколько раз уже полагал, что и жив не буду. Но оживал и опять в работу. Все десять лет работал, работал на совесть. Даже других увещал к работе, за что сердились на меня. Сила Божия спасла.

Когда получил пропуск ехать от ст. Керки до штаба (это около 20 километров), я поехал на товарке. Были большие подъемы, поезд везти не мог. Был сильный мороз. Ноги промокшие примерзли к сапогам. Прибыв в штаб, узнал, что получена телеграмма — крушение поезда и что поездов не будет три дня. Вот тут пришлось продать последнее одеяло — за ночлег и картошку. Очень и очень трудно было ехать. Ни денег, ни хлеба. В Новках ожидали поезда 22 часа, в Иваново — 13 часов, в Нерехте — 5 часов. В Иваново были ночью, очень озябли в вокзале, так как он был без отопления. Это было на 5 ноября. Был маленький кусочек хлеба, хотел покушать, но озяб так, что не до еды. Приехал в Кострому 5 ноября 1942 года.

Вот краткое описание десятилетия вне свободы. Описать подробно, нет времени, а кратко написано то, что осталось в памяти при срочном воспоминании. Много вспоминаю и еще. Но да будет все известно только Богу.

Слава Богу за все! Да будет воля Божия во всем! Ему же слава во веки веком, аминь.

Расписание богослужений в Покровском храме

Богослужения в Покровском храме совершаются по воскресным и праздничным дням.

Начало богослужения:
в воскресные и праздничные дни — 7:00
по субботам и накануне праздников — 15:00

ПРАЗДНИКИ МАЯ – ИЮНЯ

Родительская суббота	26 мая
Сошествие Св. Духа, Св. ТРОИЦА	27 мая
Понедельник Святого Духа	28 мая
Воскресение Всех Святых, Сретение Владимирской иконы Пр.Б., заговение	3 июня

Начало Петрова поста	4 июня
Обретение главы Иоанна Предтечи	7 июня
Перенесение мощей св. Анны Кашинской	25 июня
Сретение Владимирской иконы Пр.Б.	6 июля
Рожество Иоанна Крестителя	7 июля
Сретение Тихвинской иконы Пр.Б.	9 июля
Свв. Ап. Петра и Павла, розговение	12 июля
Прп. Сергия Радонежского	18 июля
Явление Казанской иконы Пр. Б.	21 июля
Празднование Оковецко-Ржевской иконы Пресвятой Богородицы	24 июля

Очередной выпуск газеты «Покровский вестник» подготовлен при содействии редакционно-издательской группы «Маргаритъ». Редактор выпуска Волкова Г.А.

Ваши вопросы, замечания, предложения и пожелания направляйте нам на E-mail pokrov@rzhev.tver.ru, либо по адресу: Ржев, ул. Калинина, д. 62, с пометкой «В редакцию газеты

«Покровский вестник»».

Телефон для справок 235-24.

Все свежие новости церковной жизни Покровской общины, а так же основные материалы каждого очередного выпуска газеты «Покровский вестник» Вы можете увидеть на сайте Ржевской Покровской старообрядческой общины: www.rpso.ru.